

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/3403036>

Ключи и клетки

Направленность: Слэш

Автор: [Синий Каспий](https://ficbook.net/authors/51851) (<https://ficbook.net/authors/51851>)

Фэндом: Kuroshitsuji

Пейринг или персонажи: Sebastian/Ciel

Рейтинг: PG-13

Жанры: Романтика, Мистика, Психология, Повседневность, POV, Hurt/comfort, AU, Мифические существа

Предупреждения: OOC, Underage

Размер: Мини, 9 страниц

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

«А он, упрямый и своевольный, гордый и обреченный — маленький принц проклятого королевства, — нес свою ношу, не мысля, что кто-то захочет ее разделить».

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

Атипичный демон. Люблю его такого, более того, для меня он всегда такой, просто порой маски качественнее обычного.

Иллюстрация от [**LiRa_111**](https://vk.com/album-132756618_238046925#/photo-132756618_456239060) — https://vk.com/album-132756618_238046925#/photo-132756618_456239060

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

Его душа была парадоксальным совершенством: таким, какому нет места в мире людей. Слишком светлая, слишком сильная, слишком ранимая и хрупкая — ее рождение само по себе являлось чудом. И крик ее — оглушающий, звонкий до дрожи, — призвал меня в тот темный час.

Как ангелы-хранители проглядели и не защитили эту душу — не знаю, но их безалаберность казалась кощунством. Я не мог уйти, не в моей природе отказываться от столь изысканного деликатеса. А, смерив прищуренным взглядом худенькое вместилище невероятной души, понял, что получил джекпот: выполнение глупых приказов мальчишки обещало стать несложной задачей.

Осознание того, насколько я ошибся, пришло довольно скоро, буквально через пару недель бесконечных препирательств, уроков и наказаний — к счастью, обоюдных.

Душа часто находила отражение в характере и теле человека, но никогда еще мне не встречалось настолько глубокого и полного вплетения ее силы и чистоты в смертную оболочку. Я так привык оценивать людей изнутри, не обращая внимания на внешность и личность, что не ожидал расхождения давным-давно знакомой схемы.

Сиэль был почти абсолютным отражением своей души. Его характер — отвратительный, на мой взгляд, — оказался ничем иным, как защитными шипами, словно у его любимых белых роз. Я увидел это не сразу, поддавшись наносному, но когда понял, не смог больше воспринимать всерьез его болезненные вспышки гнева, высокомерия и пренебрежения. Чересчур четко за ними угадывалось отчаяние, страх и недоверие одинокого ребенка.

Поначалу за метаморфозами этой души было любопытно наблюдать. Это, в общем-то, в демонической природе, ведь век смертных короток, но они зачастую и за него натворить успевают больше нашего. А здесь еще и такой экзотический случай — слияние души и оболочки. Я наблюдал, собирал информацию, анализировал, но так и не смог понять глубинных мотивов поведения этого создания. К слову, ничуть не менее непоседливого и непосредственного, чем его кузина, но в сотню раз лучше скрывающего сей факт, порочащий образ достойного дворянина.

Думаю, мое излишнее любопытство и желание продлить изучение привели к тому, что я начал испытывать к мальчишке нетипичные и непривычные для демонов чувства.

Когда-то Агни сказал мне, что хороший слуга должен искренне заботиться о своем господине и любить его. Тогда это высказывание привело к тому, что я начал изображать из себя более внимательного дворецкого, и Сиэль долго ворчал на меня за унижительный способ кормления и насильственное удержание его в доме на период болезни.

Тогда это было всего лишь игрой. Одной из многих моих масок, пусть и несколько необычной: никогда раньше не доводилось ухаживать за детьми.

Однако через некоторое время я поймал себя на том, что рука тянется ко лбу мальчишки, чтобы проверить температуру, совершенно бездумно, что виновников его случайных травм во время выполнения заданий Королевы хочется убить с особой жестокостью и наслаждением, и что пожелание спокойных снов давно звучит искренне.

Но, поняв, что заигрался, я не умерил пыл, поскольку уже не видел ничего дурного в этом, маниакальном подчас, любовании. Впервые мне по-настоящему хотелось о ком-то заботиться, хотелось оберегать и защищать даже от самого себя, если придется.

Конечно, поначалу это пугало: не в привычках демонов привязываться. Но иррационально теплое, расцветающее от одного взгляда на Сиэля чувство вынудило пересмотреть мои моральные принципы. Оно жило, дышало и требовало всяческого выражения. И я признал его.

Но, несмотря на поразившее меня безумие, понимание его обреченности не покидало меня. Я знал — видел, — что Сиэль истово ненавидит все, так или иначе связанное с подлунным миром, пусть и скрывает это не хуже, чем сокровенный свет своей души. А кто, как не демон, связан с подлунным миром крепчайшими узами?

Доставало и того, что Сиэль пытался, и не безуспешно, верить мне.

Порой я поражался себе: насколько сильным светом должен пламенеть сгусток теплоты во мне, жестоком и безразличном ко всему, кроме голода, демоне, чтобы почти с благоговением принимать крохи признательности смертного мальчишки? Я не знал, как назвать это — падением или спасением, но понимал, что обратного хода давно нет.

Удивительно, я готов был сделать для него что угодно, все, что попросит-прикажет, даже невысказанное, потаённое, а он только хмурился и угрюмо шептал: «Принеси чаю». Чаю, подумать только! Нет, чтобы свободы просил, глупый. Я запечатлел бы ее на белоснежном пергаменте, скрепил бы кровавой клятвой, преподнес бы на серебряном подносе и отдал бы прямо в руки, не раздумывая. А он, упрямый и своевольный, гордый и обреченный — маленький принц проклятого королевства, — нес свою ношу, не мысля, что кто-то захочет ее разделить.

Я ведь пытался намекнуть почти прямо, исчезнув тогда, во Франции. Правда, наблюдая, как беспомощно ютится моя душа среди грязных ящиков, не утерпел — показался, неузнанный, проследил, чтобы добрался до дома спокойно.

Думал до края довести, может тогда поймет, что отменить все можно, что непреложных контрактов не бывает, но просчитался — его ранить умудрились, не доглядел. Конечно, я почти сразу кровь остановил и рану осторожно, чтобы Сиэль не заметил, лечить начал — повязка больше для отвода глаз была. Но именно тогда, увидев его в луже крови на плитах, понял, что у этой партии будет иной исход.

Я неспроста выбрал в качестве завершающих декораций особый остров: по-своему волшебный, могущий помочь в моей задумке лучше прочих мест.

Сиэль — нелепица! — даже не боялся, покорно откинул голову, бесстрашно смотрел

в глаза. Дурашка маленькая. И душа его таким светом сияла — нестерпимым, ослепляющим. Жертвенным. Если бы до этого не передумал, то в тот момент дрогнул бы обязательно: ни одному демону не должна была достаться такая душа. Просто потому, что не могла никому принадлежать, кроме себя самой.

Прикоснуться хотелось нестерпимо — хоть самую малость, кончиками пальцев напоследок, — и я не удержался: ласково провел по лицу, тронул тонкие веки, убрал раздражающую повязку, открыв отмеченную печатью радужку. Как никогда лишним мой знак показался, пусть и тлело где-то в глубине смутное тягучее удовольствие от чувства мнимой принадлежности.

С дыханием прохладным, зачарованным, склонился к его лицу, касание губ вышло почти невинным. Синие глаза расширились изумленно и, скованные навеянным сном, закрылись.

Восстановить поместье в третий раз было не сложнее, чем в предыдущие. Правда, помимо этого еще кое-что устроить пришлось: подлатать память прислуге, нанести визит его невесте, некоторым особым знакомым, проследить издали, как Жнецы избавляются от следов пожара в Лондоне. Наконец, перенести Сиэля в знакомую до мелочей хозяйскую спальню, укутать в одеяло и, замерев, простоять так несколько часов, наблюдая, как трепещут во сне его ресницы. До самого рассвета смотреть, как мерно вздымается грудь и изредка хмурятся брови. Впитывать в память каждую черточку, понимая, что вот так близко — в последний раз.

Когда Сиэль заворочался, просыпаясь, я неслышно растворился в полутьме комнаты. Возвращаться домой, вниз, пока не собирался — вместо этого две декады провел в хаотичных странствиях и бессмысленных, не слишком качественных контрактах. Они вновь стали привычными — одно, максимум два несложных, недолгих, неинтересных желания и призыва в моих руках. Другое дело, что призыв подстать заданиям.

Я дал зарок, что не вернусь в Британию в ближайшие полвека, но меньше месяца спустя материализовался на окраине земель, прилегающих к поместью Фантомхайвов, малодушно разрешив себе «только проверить».

Увиденное мне совершенно не понравилось. Я ожидал найти Сиэля успокоившимся, довольным жизнью юношей, возможно, чуть более вредным, чем стоило бы, но реальность жестоко посмеялась над моими чаяниями. Нездоровая бледность саваном обернула его тело, запавшие глаза взирали на мир с невыразимой усталостью и затаенной тоской, а дом, заросший тишиной и промозглой сыростью, напоминал склеп, и даже восторженные усилия неразлучной троицы не исправляли положения.

Сиэль действительно вел обыденную жизнь дворянина, не занимался расследованиями, с головой уйдя в заботы о компании, часто общался с Элизабет, намереваясь, кажется, ускорить венчание. И в то же время было очевидно: он ни на грань не чувствовал себя счастливым.

Рассчитывая убедиться в правильности сделанного выбора, я обнаружил доказательства собственной ошибки. Только на сей раз понятия не имел, как ее исправить: память, не стертая, но размытая, не поддавалась восстановлению.

Вместо меня Сиэль помнил смутную тень, помогающую добиться желаемой мести и исчезнувшую в неясном тумане забвения. А предположение, будто тех крох доверия, что испытывал он ко мне, хватит для возвращения памяти, казалось смехотворным.

Все, что оставалось, и все, что я мог себе позволить — оберегать Сиэля, хранить его покой и заботиться о нем так, чтобы он был счастлив.

Однако, понаблюдав за ним короткое время, я так и не смог понять, чего именно ему теперь не хватает для обретения этой человеческой эмоции, что делало попытки переменить ситуацию к лучшему заведомо провальными.

Просыпался я тяжело, словно выныривал из липкого алого болота. Глаза были сухими, будто песком засыпанными, а голова свинцовой, не иначе. Дворецкий немного запаздывал, и это отчего-то казалось странным. Наконец я услышал тихий стук, и в спальню вошел Танака. Вслед за приветствием последовал незыблемый ритуал утреннего чаепития и одевания — ничего нового, но головная боль накладывала на реальность легкий флер раздражения, и все вокруг вызывало ощущение некой чуждости.

Танака уже собирался покинуть комнату, когда я по наитию, сам не понимая, зачем, метнул в его сторону дротик для дартса — острое лезвие оцарапало лакированную поверхность двери и легко упало на пол. Танака замер на мгновение, затем подобрал его молча и, почтительно кивнув, ушел, оставив меня непонимающе глядеть ему вслед. Почему-то мне казалось, что дротик должны были поймать.

Эта мысль виделась чужеродной, нелогичной, ведь дворецкий стоял спиной и метнул я неслышно — он просто не мог этого сделать. И в то же время на границе сознания маячило твердое убеждение: *дротик уже ловили.*

На завтрак подавали тосты с джемом и сливовый пудинг. И вновь странное чувство неправильности происходящего: пудинг недостаточно вкусный, тосты не идеальны, а чай откровенно плох. *Все не так.*

Головная боль не проходила, и заваренные Танакой травы *не помогали.* А к вечеру приехала Элизабет. Она сообщила о ситуации в столице — известие о смерти Королевы я выслушал с непроницаемым лицом, не в силах понять, отчего в глубине души ощущаю неподдельное облегчение.

В стране объявили траур, а я, вместо того, чтобы отдать дань уважения Виктории, размышлял, как половчее откреститься от должности Цепного Пса. И снова не понимал причин столь бурной и непреклонной неприязни к сделанной «карьере». В сознании просто набатом билось: «Не смей в это влезать».

После того, как Элизабет покончила с государственными темами, наступил черед тем светских. Я полчаса честно пытался вникнуть в перипетии модных веяний сезона, и каждую секунду этой пытки казалось, будто сейчас кто-то войдет и парой искусных фраз убедит Элизабет не навещать меня минимум месяц. Мысленно фыркнув, одернул сам себя: ну кому бы в голову пришло спасти меня от собственной невесты?

В конце концов, к ночи я заставил себя поверить в то, что природа всех сегодняшних странностей заключалась в головной боли.

Постепенно жизнь вошла в прежнюю колею — во всяком случае, в душе воцарилось относительное спокойствие после того, как я окончательно отомстил давним обидчикам своей семьи. Поразительно, но самого процесса мести я почти не помнил — кажется, услуги наемного убийцы оказались как нельзя кстати, — зато со всей четкостью помнил, что он задачу выполнил, и месть-таки свершилась. После сделки считалась завершенной, и больше человека этого я не видел. Впрочем, и без того лицо его помнил очень смутно.

Единственное, что терзало меня — это сны. Неясные, полупрозрачные образы застилали разум на протяжении всей ночи, не давая отдыха, держа в странном цепенеющем ожидании *чего-то*. Нет, не те образы, неприличествующие юноше в моем возрасте, несмотря на обратные заверения некоторых именитых врачей-человеческой души.

Я постоянно кого-то звал — не произнося имени, но всем своим существом желая быть услышанным. Мне снилась жизнь: как будто моя, но с едва уловимыми отличиями, слишком размытыми для сколько-нибудь серьезных выводов, но достаточными для непрекращающегося ощущения карикатурности окружающего мира.

Нередко сны вырывались в явь — я замечал краем глаза непроницаемо-черную тень, сопровождающую меня повсюду. И присутствие ее не доставляло ни капли беспокойства, напротив, дарило исключительное по своей силе чувство безопасности.

Сочетание снов, галлюцинаций, общей тревожности и регулярных мигреней значительно усугубило мое здоровье, и без того не отличающееся крепостью. Я и сам осознавал это, но выхода из тупиковой ситуации не находил — снотворные и успокаивающие настои не помогали совершенно, а галлюцинации с каждым разом становились все более детализированными.

Однако месяц спустя после первого приступа головной боли произошло событие, изрядно пошатнувшее мою неуклонно возрастающую убежденность в собственном сумасшествии.

Не всех в преступном мире Британии устроил мой тихий и практически незаметный уход от власти. И особо рьяные почитатели нанесли визит с целью то ли объяснить всю недальновидность моего поступка, то ли самоутвердиться за счет убийства чересчур живого бывшего Главы. В любом случае, они исхитрились застать меня врасплох — поблизости не оказалось никого из прислуги. И когда я уже начал смиряться с мыслью о скорой кончине, гости все, как один, чрезвычайно аккуратно и почти синхронно упали

замертво. При этом шума выстрелов не было, и ни ран от пуль, ни, на худой конец, игл с тропическим ядом на телах не обнаружилось. А как еще можно убить одновременно несколько людей, не притронувшись к ним, я не знал.

Именно с той поры я обратил внимание на странности, выходявшие за рамки даже моей искаженной галлюцинациями реальности.

Меня словно хранили, оберегали от всевозможных опасностей, включая подчас весьма эфемерные. Доходило до смешного: однажды, намереваясь отправиться на проверку одной из отдаленных фабрик, я не смог найти дорожный костюм — все подходящие сверхъестественным образом оказались постираны, причем Мейлин клялась, что не трогала и половины. После случайно узнал, что в тех местах разразилась страшная гроза, а многочасовой ливень основательно размыл дороги, сведя на нет гипотетические шансы добраться до фабрики без происшествий.

Теневые гости тоже больше не появлялись, хотя по косвенным, еще не отмершим ниточкам-связям мне доложили, что охочие поквитаться не перевелись, и сделали комплимент прекрасной защите поместья. Стоит ли говорить, что слуги на сей раз к защите отношения не имели?

Довольно часто бывало так, что отменялись назначенные ранее встречи: мне звонили и рассыпались в извинениях, что по некоторым причинам не могут сотрудничать с компанией «Фантом». Происходило такое, как правило, буквально за несколько часов до подписания договора. Не без труда, но я смог выяснить, что большая часть предполагаемых партнеров оказалась не чиста на руку.

Иной раз я размышлял о личности своего незримого благодетеля, в чьем факте существования убедился очень быстро. Будь я верующим, думал бы об ангеле-хранителе, хоть финт с костюмами едва ли входил в ангельскую юрисдикцию. Однако верующим я не был, скорее, наоборот, несмотря на то, что подсознательно чувствовал: мысль об ангеле не являлась совсем уж фантастической.

Сны не прекращались и давали все предпосылки думать о наличии связи между ними и этим хранителем. Но личность его по-прежнему оставалась скрытой. Что с того, что, если верить снам, последние годы моей жизни прошли немного не так, как я считал? Не все ли равно, насколько вкусным был чай в прошлом, если я не помнил того, кто приносил его, но был уверен, что точно не Танака?

Размеренная, продуманная до мелочей, наделенная всеми мыслимыми материальными благами жизнь. Я пытался ценить и наслаждаться ею, но все чаще чувствовал, что принуждаю себя смиряться и терпеть.

Думал, что не хватает человеческого участия и любви — решил сблизиться с Элизабет в попытках найти в ней близкого друга и любимую невесту. Первое не вышло по причине колоссальной разницы в ментальном возрасте, а второе... Я обнаружил, что не испытываю к ней и доли тех эмоций, какие следовало испытывать к невесте. Да что там, к любой красивой девушке.

Самое странное, что даже это не показалось мне неправильным, напротив, пришло необъяснимое удовлетворение, почти радость и отчего-то — стыд. Словно, представив Элизабет в этом качестве, невольно обидел что-то очень теплое и светлое в самом себе. Позже понял.

Чувствовать, что влюблен в кого-то, но не помнить в кого — чертовски неординарный опыт.

Ночами напролет одними губами я повторял бездумно чье-то имя — не помня и не слыша себя, лишь окончание его осознать сумел: мягкое «тьян» на выдохе. Имя это представлялось тимьянным, пряно-острым, почему-то по-осеннему прохладным и полетному солнечным. Я завел привычку смаковать его на языке, словно пытаюсь почувствовать вкус и угадать, как оно звучит целиком — это успокаивало куда лучше подозрительных настоев Танаки.

Память вернулась неожиданно.

Вся разом, будто кто-то рывком сорвал туманную вуаль, умалявшую красочность картин. Я беззвучно перебирал варианты таинственного имени, и как-то само собой вырвалось: «Себастьян».

Осознав, что произошло, и вспомнив, наконец, свою настоящую жизнь, растерялся.

Добровольный отказ демона от контракта? *Немыслимое безумие.*

Мотивов этого поступка я откровенно не понимал. Не пожалел же он меня, верно? Ведь я *готов* был. Почти счастлив, что никогда больше один не буду, пусть и в посмертии.

И тем невероятнее казалось предположение, так мягко переходящее в уверенность, что Себастьян после расторжения контракта никуда не ушел — целенаправленная деятельность «хранителя» лучше прочего подчеркивала это.

Зачем остался? Не в самом же деле хранить вздумал? Не в его это духе, слишком чуждо. И — до ощущения легкой щекотки под ребрами — желанно? Только мысль трепетала хмурая, что неспроста я память потерял и что демон просто возвращения ее дожидается, чтобы награду получить. Непонятно, правда, отчего на глаза не показывается, логично же, что память так куда скорее бы вернулась.

Однако раскрывать свое инкогнито Себастьян не торопился, невольно даря надежду, что я ошибся в своих предположениях. Потому что взгляд, теплый и неотрывно следующий за мной, не пропадал. Еще ближе я его почувствовал, еще ярче — он сам по себе будто совершенной гарантией безопасности являлся. Даже от выдуманных душевных напастей.

Не знал я, как моего «хранителя» на разговор вызвать — опасался всего сразу: и что долг потребует, и что откажется от него. Что разочаруется — и последняя гранитная глыба, охраняющая самое сокровенное в моей душе, рассыплется в прах. И это хуже смерти будет, хуже забвения.

Поэтому выбрал типичный и наиболее легкий вариант — проверить, насколько трепетно оберегают меня и до каких пор простирается эта защита. Целое представление разыграть пришлось: с утра навесил на лицо печальную маску, отказывался есть да в бумаги деловые закопался, не забывая горестно вздыхать и с тоской поглядывать в окно. И буквально кожей ощутил, как нервничать Себастьян начал. А уж когда я под вечер на балкон вышел и задумчиво-внимательно на землю смотреть стал, взгляд демонский спину и вовсе до мурашек опалил. Я от того еще больше воодушевился и вниз решил спрыгнуть не абы как, а красивой ласточкой.

Да только мне и шага сделать не дали — поперек живота схватили бесцеремонно и миг спустя уже в спальне в кресло перед камином толкнули.

Я от этой запредельной скорости еще до конца отойти не успел, но то, что от меня удрать пытаются, разобрал быстро — стоило только фигуре Себастьяна начать темнотой окутываться, вперед руку выбросил и вцепился в полу так и не снятого черного сюртука.

— Стой!.. — он застыл, словно и вправду из моей хватки вырваться не мог. — Почему помогаешь мне? — я торопился и проглотил половину слов, но меня поняли. А когда было иначе?

— Простите, мне не следовало показываться, — хрипло произнес он, устало опуская на меня взгляд. И столько невысказанного сожаления плескалось в нем, что я сам не понял, как на ногах оказался:

— Ты...

Себастьян, словно предчувствуя мои слова, отшатнулся и, измученно проведя ладонью по лицу, прошептал:

— Я не должен был возвращаться.

Значит, все-таки уходил.

— Говорить со мной, оберегать меня, хранить меня, быть со мной все это время... тоже не должен был? — на грани слышимости ответил я, боясь спугнуть видение.

— Я... не смог удержаться.

От этих слов в душе что-то забило восторженной птицей.

— Себастьян.

Он окаменел и выдохнул потрясенно:

— Вы помните мое имя?

— Я помню *все*, — и, не дав ответить, я спросил обиженно: — Почему ты отпустил меня? Разочаровался в моей душе?

Неподдельное изумление отразилось в его глазах, почти сразу омывшись терпкой нежностью:

— Она никогда не перестанет меня восхищать. Я наблюдал за вами все это время, милорд. Скажите, чего вам не хватает? Я же открыл дверцу вашей золотой клетки, а вы теперь норовите запереться изнутри на щеколду? Столь неразумно с вашей стороны.

Я горько усмехнулся и покачал головой:

— О каких щеколдах может идти речь, если клетку ты разрушил до основания?

— Тем более. Чего вы теперь хотите? Угодить в новую? — гневные нотки так явно чувствовались в его голосе, что я закусил губу и делано равнодушно поинтересовался:

— Ты что же, сделаешь все, что попрошу?

— Вы до сих пор сомневаетесь? — помедлив мгновение, глухо отозвался он.

Моя невидимая птица расправила крылья у самого края бездны — я несмело протянул руку и медленно приложил ее к груди Себастьяна, туда, где, вопреки всем сказкам о демонах, как заполошное, билось сердце.

— Тогда я хочу получить ключ от твоей.

Пальцы осторожно накрыла чужая ладонь и легонько сжала.

Когда я решился поднять взгляд, Себастьян улыбался — ошеломленно, неверяще и освобожденно.

— Он так давно ваш, что даже немного страшно.

Я выдохнул, только сейчас поняв, что задерживал дыхание, шагнул вперед и, прикрыв глаза, уткнулся лбом в его грудь.

— Значит, будем бояться вместе.

В бездне хватило синевы, чтобы прозвать ее небом.